

Бублики в гуляше, или Повесть о том, как Оля и Слава в Будапеште дом покупали

Автор:

[Мирослав Круц](#)

Бублики в гуляше, или Повесть о том, как Оля и Слава в Будапеште дом покупали

Мирослав Викторович Круц

Когда супружеская пара из Питера решает перебраться в Венгрию, всё кажется просто: покупай квартиру и живи в своё удовольствие. В действительности, однако, это оказывается не совсем так. А точнее, совсем не так.

Фото на обложке автора.

Без тормозов

Первой о том, чтобы перебраться жить за границу обмолвилась Оля. Это было в сентябре седьмого года. Мы сидели на берегу речки Чухонки у нас в Колпино под Питером, смотрели, как красиво дымят трубы Ижорского завода и рассуждали, как нам развивать наш бизнес. Оля тогда только с неделю как уволилась с работы и стала предпринимателем по бухгалтерии. Я был при ней помощником и мужем. В основном в таком порядке, но случалось и наоборот. Это зависело от рабочей загрузки.

Меня её обмолвка насторожила.

– И как ты себе это представляешь? – спросил я.

Оля ничего не ответила, и я понял, что представление у неё ещё не началось.

- А Россия чем тебе не подходит?

- Хочется тепла и моря, - сказала она.

- Ну так для этого курорты есть.

- Я не хочу курорт. Хочу нормальный город. И вообще, другой жизни хочу.

- Это как? - спросил я.

- Дом хочу, а не комнату с видом на завод. Сад хочу, а не мусорный бак у подъезда. И ещё хочу в сорок лет на пенсию уйти.

Про пенсию я выяснять не стал. Хочет человек иметь иллюзию, пусть имеет. Его право. А по первым двум пунктам - тут терпение требовалось. Бытовые условия у нас, может, и не первой категории были, но для этого мы бизнес и завели, чтобы их улучшить, разве нет? Работай и воздастся тебе.

Но Оля в эту воздачу не верила.

- Ну будет у нас не одна комната, а три, - говорила она. - Так вместо завода дом напротив построят - или свечку до неба или книжку на километр. И сами мы в такой книжке жить будем. Что за удовольствие?

- У нас вся страна так живёт, - говорил я.

- Мне от этого сильно легче, - отвечала Оля.

На этом наши разговоры обычно и кончались. Чтобы вести их дальше, надо было бюджет иметь. А у нас на то время только холодильник свой появился. Оля это знала не хуже меня и соль на рану без толку не сыпала. Но тогда на Чухонке в её голосе я засёк какую-то упёртую интонацию, как будто она в атаку идти собралась. Девушка, с которой я прожил последние четыре года так со мной не говорила.

– Может нам съездить за границу, чтобы ты посмотрела, как там и что? – предложил я.

– Ты мне рассказывал, как там и что, – сказала Оля. – Мне подходит.

– Ну, это я. А своими глазами...

– Ладно, – перебила меня Оля. – Не хочешь, так и скажи.

Я не то чтобы не хотел, но и вот так с бухты-барахты за границу мотать тоже готов не был. Поэтому я пожал плечами и повертел руками по воздуху, как будто вкрутил туда лампочку. Две лампочки, если точнее. Меня этому Фимка Берман научил, знакомый один из Калифорнии. Он своей жене Зинуле эти лампочки регулярно вкручивает. И это, как он говорит, помогает им сохранять в семье атмосферу приличия и культуры. Смысл там в том, что Зинуля по натуре человек подвижный. Ей всё время перемен в жизни хочется. Потому что если ничего не менять, говорит она, так в этой Калифорнии с тоски подохнуть можно, так там всё хорошо и благополучно.

Фимка же, наоборот – человек-якорь. Его где бросят, там он и будет лежать, пока что-нибудь убедительное, вроде много денег, не поднимет его на поверхность и не заставит поменять географию. Несколько раз его так бросало и поднимало по жизни, пока он в Калифорнии не осел. Ему там понравилось, и он уже приготовился жить себе в удовольствие. Но с Зинулей это не получалось. На один дом, что они купили, ей не так светило солнце. У другого были соседи не с тем акцентом. Третий вообще стоял не в том городе. Ну и дальше в таком же духе.

Какое-то время Фимка вёлся на эти Зинулины мансы. Они переезжали куда она показывала пальцем и меняли там всё, что менялось, лишь бы ей не было скучно. Но потом Фимка устал от такой мобильности, здоровье у него шататься стало, и он положил этому конец – не кулаком по столу, конечно, а цивилизно – придумал эти лампочки крутить. Только Зинуля заикнётся про очередную переменную, Фимка тут же плечами дёрг, руками круть, ну и всё, его как колпаком накрывает. Ноль на массу, мужик вне зоны доступа. Так и ходит, пока у Зинули бзик не пройдёт.

Зинулю поначалу эта манера бесила. И ругань у них с Фимкой была, и сковородки летали. Но потом, как сказал мне Фимка, до неё что-то дошло, и она успокоилась. Между ними появился протокол для связи, как у разведчиков в старых фильмах. Если крутят лампочки, значит явка провалена. Чешите отсюда, дамочка и побыстрее. Будет новая явка, мы вам сообщим.

Думаю, Зинуля тут себе хорошо на горло наступила, когда этот протокол принимала. Получать указания от других не в её характере было. Или, может, возраст своё сыграл, кто знает. Ей в то время как раз сорок стукнуло, она и помудреть могла. Ну и то, что она еврейская жена была, тоже не помешало. У них сцепление с мужьями попрочней будет, чем у наших славянских.

Но Оле моей, когда она этот разговор про переезд завела, до мудрости ещё, как до Калифорнии было. И её русский характер сцепления со мной без внятной причины тоже не гарантировал. Поэтому я хотя и пожал плечами на её желание, но на заднем плане понимал, что это полумера, и что с Олей так закрыть вопрос не получится. Слова всё равно надо будет говорить. Много слов. И лучше их придумывать уже сейчас. Что, мол, в этом мире, Оля, не всё так просто. Что другая страна – это не только другой язык, законы и дальше по списку. Это ещё и другая ты и другой я. Куда бы мы с тобой ни поехали, мы перестанем быть теми, кто мы есть сейчас. Это я тебе со знанием дела говорю. У меня уже был опыт в Канаде. Заграница тебя выворачивает наизнанку. Плохо это или хорошо – вопрос другой, но всяких кризисов и ковыряний в себе у тебя там будет больше, чем ты хочешь. Подумай, или это тебе надо.

Подумай также, или это надо мне. Потому что я уже не тот гладиолус, что был, когда мы познакомились. У нас разница шестнадцать лет, если ты забыла. А это серьёзная цифра. В мои годы дядьки покоя хотят, а не переездов. Я покоя не хочу, но и скакать по странам и континентам тоже. Мне хорошо, потому что у меня есть ты. С кем жить мне важнее, чем где.

Так что, дорогая моя Оля, предлагаю, как говорит мой знакомый Фимка Берман, что ты не будешь давать мне своих неудобных вопросов, а я не буду давать тебе своих неудобных ответов. Вместо этого давай лучше искать удовольствие в обстоятельствах, где мы оказались в этот момент нашего времени – здесь и сейчас. Потому что так оно по-правильному и делается. Сначала ты ищешь счастья там, где ты есть, а не придумываешь себе идею-фикс за тридевять земель и не начинаешь мутить ею голову близкого человека. И только если найти не получается, тогда может быть...

В общем, да, надо было всё это как-то сказать словами. Но мне на ум пришёл Фимка Берман с его лампочками, и меня это с панталыку сбило. Лет за пять до этого разговора я как раз в Калифорнии и кантовался – с полгода примерно, у одних своих друзей. Они тогда мне, считай, убежище предоставили, пока я разгребал осколки своей прежней жизни, той самой канадской ну и заново себя сложить пытался. А Оля меня всё это время в Колпино ждала. Мы с ней уже друг друга знали, но женаты ещё не были, да и не особо понимали, будем ли вообще. Я, по крайней мере, точно не понимал. Про Олю не скажу. У неё на эту тему какая-то девичья грусть имелась, от которой я старался держаться подальше.

– Ты уже уехал, что ли? – услышал я Олин голос.

Я очнулся от своих мемуаров и посмотрел Оле в глаза. Сцепление в них пока ещё было. Не еврейское, конечно, а славянское, но это ладно. Газ тоже был. Хоть сейчас жми до упора. А вот тормозов я не увидел. Такая мне, видать, досталась модель. Не предусмотрено конструкцией.

– Я вернулся, – сказал я. – К тебе и навсегда.

Это была моя соломинка. Лирика, думаю, девичья грусть и всё такое. Вдруг срывается, и она одумается.

Я сложил в кулаке фигу.

– Хорошо, – сказала Оля. – С приездом.

Звук этих слов был, как выстрел из дуэльного пистолета. Я слушал, как он летит в мою сторону и надеялся, что промажет.

Но он не промазал. Бах! Вдарил в самую тютельку.

– Так ты мне скажешь что-то, чтобы я поняла или нет?

Из тютельки на камзол хлынула надежда. Кулак мой разжался и выпустил бесполезную фигу.

С лирикой на пистолет это вы лихо придумали, Александр Сергеич.

- Скажу, - сказал я. - Тебе туфли починить надо. За границу в таких не пустят. Где, ты говорила, жить хочешь?

Революционная ситуация

На самом деле мой вопрос насчёт «где» был лишним. Я знал и где, и почему, и другие подробности, потому что они в этой истории с переездом с моей подачи и возникли. Ноги у них росли из книжки, про которую незадолго до этого я рассказал Оле, ну а она нашла её и сразу взялась читать. Написала книжку некая американская дама, то ли учительница то ли профессорша, которая из своей Америки переехала жить в итальянскую Тоскану. Переезд у неё был не в городскую квартиру, понятное дело, а в дом, к которому в придачу шли оливковые деревья, виноградник, колодец ну и прочее хозяйство. Находилось всё это добро в живописной местности, но было настолько старым, что без ремонта и вообще переустройства жить там было невозможно. Этим переустройством дама и занималась все двадцать или около того лет, что она там прожила, пока не написала про это книжку. Книжка имела успех, и через какое-то время по ней сняли кино. От ремонта в кино осталось не много, зато появилась любовь, и в прокате это пошло ему на пользу. Мы с Олей это кино тоже посмотрели. Любовь нам показалась так себе, а вот старый дом среди холмов действительно зацепил.

Но зацепка эта быстро ушла, когда Оля выяснила, что почём можно купить в Тоскане. Оказалось, что с нашими сбережениями вариантов всего два: или уборная на огороде, если поближе к какому-нибудь райцентру, или собачья будка, если подальше. В других областях Италии, где цены были не из сумасшедшего дома, у нас выходило в лучшем случае на сарай с пристройкой. С ним, да, мог идти виноградник и даже оливы, но чтобы жить там, надо было не только любить вино и постное масло, но ещё и понимать, как их делают. У нас с этим было не очень.

Ситуация с ценами в Италии нас тогда хорошо опустила на землю, и лет пять мы о переезде не вспоминали. Летом на месяц уезжали в Крым, лазили там по горам, купались, пробовали разную кухню, словом, заряжались энергией и

витаминами, которых жителям севера кроме как на юге больше взять негде. Этого заряда нам хватало до февраля следующего года, а там мы отправлялись в один санаторий в Бобруйске, где ходили по всяким процедурам, пили из бювета минеральную воду, плавали в спортивном бассейне, отсыпались и уезжали оттуда с новым зарядом бодрости, на котором тянули до середины лета, после чего снова ехали в Крым, и там всё повторялось заново. Так продолжалось до тринадцатого года.

В тринадцатом году мы приехали в Крым в середине августа. Погода в день приезда была бальзам с нектаром. Хозяйка наша, у которой мы все эти годы останавливались, встретила нас ужином с коньяком и жареной рыбой, которую она сама утром для нас и наловила. До позднего вечера мы сидели с ней на веранде под старым инжировым деревом, говорили про жизнь, смотрели на Млечный Путь и слушали, как прибой шлифует гальку на городском пляже. Коньяк играл в рюмках дубовыми нотами, а рыба была сладкой и совсем не пахла рыбой. Спать мы пошли полные предвкушений и хороших предчувствий.

А утром мы проснулись оттого, что в окна нашей комнаты барабанил дождь, и ломился довольно наглый и, что хуже, прохладный ветер. Для Крыма это было необычно, но всякое бывает. Пусть это будет первым приключением в сезоне, решили мы. Переждём.

Ждать нам пришлось все следующие двадцать девять дней отпуска. Ни в один из них солнце толком так и не показалось. Дождь то лил, то шёл, то падал, то моросил, то просто висел в воздухе, как издевательство, и конца ему не было видно ни в одном прогнозе. Ветер тоже обнаглел настолько, что стал откровенно колючим.

Избавление пришло к нам только в день отъезда. Зал ожидания севастопольского вокзала был пуст и холоден, как морг. На его полу стояла лужа, похожая на Чёрное море. По берегу лужи ходил дежурный в резиновых сапогах и, казалось, что-то в ней искал.

– Кто утонул? – спросил я.

– Бархатный сезон, – ответил он.

Билеты домой у нас были с пересадкой в Киеве, и когда на следующее утро мы туда приехали, там было плюс девять. Градусник в нашем вагоне показывал на одну чёрточку больше.

- Угля нема, - коротко и ясно объяснил проводник. Где он делся, этот уголь, и как он себе представляет, что люди будут ехать сутки с такой температурой, проводник послал нас выяснять к начальнику поезда. Я идти отказался, не хотел скандала. А без него там не обошлось бы.

- Пошли, - убеждала меня Оля. - Овца паршивая, но шерсти клочок всегда вырвать можно.

- Эта овца уже дохлая, - сказал я. - И с неё будет только вонь. Как-нибудь доедем.

Но Оля мой довод не приняла. По скандалам она - мастер спорта. Рванула тельняшку себе под курткой и пошла. Вернулась в бешенстве, пылает вся. В вагоне начальника поезда, оказывается, и печка работала, и угля полно было.

- Откуда он вас? - спросила у него Оля.

- А я его украл, - ответил тот. - Из вашего вагона.

Кто знает, чем этот начальник себе думал. Может, он так с Олей позаигрывать хотел. Но она от этого только взорвалась, как мина. Орать, говорит, стала, руками махать. Дверь в купе ногой шандарахнула. А этот баран только ухмыляется. Так и ушла ни с чем.

За всю дорогу температуры в вагоне больше не стало. Дома Оля почувствовала, что заболевает. Болезнь оказалась на редкость вредной, и лечилась от неё Оля едва ли не месяц.

Но к концу зимы горечь от провала крымской кампании прошла, и в феврале четырнадцатого, когда мы приехали в Бобруйск на очередное оздоровление, настрой у нас был боевой. Снег в лесу вокруг санатория ещё лежал. Лыжня на нём была хорошо накатана, и первое, что мы сделали после заселения - это взяли в прокат лыжи и вышли на них в лес. На этом моё оздоровление

кончилось. Не успел я сделать и трёх шагов, как меня снесло на ледяной наст. Я потерял равновесие и, задрвав лыжи, шлёпнулся себе на пятую точку. И всё бы ничего. Но только в том месте, где моя точка шла на приземление, оказался большой палец моей правой руки. Причём был он не согнутый, а в полном вертикальном торчке, как будто руководил посадкой – показывал точке, что снижение у неё проходит просто «во!».

От столкновения двух моих органов в глазах у меня полыхнуло, затем померкло. В голове пронеслась мысль, что вдруг этот палец – чтоб его! – встрял куда не надо. Вот это будет номер. Как с таким стыдом дальше жить?

Не зная, чего ждать, я покрутил тазом по насту. Под ним вроде всё скользило, помех не было. Я вздохнул с облегчением.

На мою удачу рядом с санаторием была больница. Там меня осмотрел травматолог, сделали рентген, и снова осмотрел травматолог.

– Перелома нет, – постановил он. – Только ушиб.

Сестра наложила мне на кисть тугую повязку. Я спросил, где можно заплатить. Как-никак я для них был иностранец ну и, вообще, полтора часа голову морочил своим пальцем.

От моего вопроса сестра посмотрела на травматолога. Травматолог посмотрел на сестру. Но тут в помещение вошли два милиционера, на плечах у которых висела хорошо поддатая барышня в полушубке, ботфортах и с разбитым носом.

– У нас у Беларуси, – громко объявила сестра, – уся медицина бесплатная.

С ушибом на руке про активный отдых пришлось забыть, а пассивный нам был не особо интересен. Наш зимний отпуск накрылся тем же медным тазом, как сказала Оля, что и летний.

Половина весны того года пролетела в работе, а с наступлением тепла по улице рядом с нашим домом стали курсировать мотоциклисты. Они и раньше там катались, но в том году их очень уж много стало. То ли клуб у них открылся, то ли ещё какая-то организация, может даже музыкальная, потому что без музыки

они не ездили. По соседству с мотоциклистами, буквально в квартале от нас, располагались пожарники. У тех тоже машины без сирены ездить не умели. Когда одни и другие собирались на светофоре под нашими окнами, ревело и выло так, что хоть в петлю лезь. Да и в ней, наверное, трясло бы. От помешательства Оля спасалась тем, что уходила в ванную и запирала на защёлку дверь, а я брался тягать пудовую гирю, потому что от шума физкультура мне помогает лучше, чем двери.

Но всё время так прятаться и тягать – тоже не дело. Я понимал, что назревает революционная ситуация. Наш перекрёсток Ленина и Карла Маркса как раз хорошо для неё подходил. Верхи на своём четвёртом этаже больше не могли жить в этом акустическом бандитизме, а низы от него или балдели или получали зарплату. Кто-то из нас там был лишним.

Как-то вечером в середине мая, когда мы с Олей снова сидели на берегу Чухонки с бутылкой вина и решали, куда ехать в августе – в Геленджик или в Абхазию, я подумал, что момент настал.

– Может давай уже куда ты там хотела? – спросил я. – На разведку.

Оля посмотрела на меня так, будто я разгадал её военную тайну.

– Я уже забыла, куда хотела, – сказала она.

– Так вспоминай, – сказал я и разлил вино по стаканам.

Мы чокнулись.

– Что это мы пьём? – спросила Оля.

Я повернул бутылку русской этикеткой к себе и прочитал:

– Харш-ле-ве-лю. Белое сухое. Производство Венгрия.

– Средненькое, – сказала Оля.

– Компот, – согласился я. – Истины в нём нет.

Но не прошло и месяца, как выяснилось, что я ошибался.

Куда податься?

Первым в списке городов, который мы думали осчастливить своим переездом, был португальский Лиссабон. Португалия, конечно, далеко, но там теплее, чем у нас, есть виды на океан, пробковый дуб, ну и что-то ещё Оля про неё узнавала. Без своей книжки не обошлось и тут. Её мне Оля купила. В ней история была не настоящая, а выдуманная и не про переезд, а скорее про командировку. Один немолодой уже преподаватель латыни из Цюриха повстречал какую-то мамзель из Португалии и настолько потерял от неё голову, что бросил работу, купил билет на поезд до Лиссабона и замутил там расследование каких-то старых дел, от которых всем португальцам только неловко было. Чем там кончилось, я не помню, но читать было интересно.

Интересно было и другое. Я когда узнал, что главный герой – учитель, сразу вспомнил ту американскую профессоршу из Тосканы и подумал, что не удивительно ли это? Я ведь в своё время тоже педагогом подвизался, а кончил тем, что перебрался в Канаду. Может, тяга к странствиям у работников образования – это профзаболевание такое?

Олю, однако, эта сторона дела занимала меньше, чем то, во что нам обойдётся жить в Лиссабоне. И цифры у неё выходили такие, что совсем без забот жить у нас не получалось, а если с заботами, так есть страны, где они и подешевле бывают. По этой причине Лиссабон не состоялся.

За Португалией шла соседняя Испания. Море там что с севера, что с юга, тепло и солнце тоже чуть ли не весь год. Оливы, вино, сыры опять же. Пусть не итальянские, ну так и мы тоже бухгалтера, а не банкиры. До сих пор пили-ели, и не стошнило. Жилья там, я читал, понастроили столько, что не знают, куда девать. Оттого оно вроде подступнее португальского будет. Так что, даёшь Испанию! Буэнос диас, сеньоры и сеньориты!

Но тут на свет выползла одна тонкость. Оказывается, у них в Испании есть закон, что если ты впустил человека в дом, и он у тебя сколько-то там пробыл, –

пару ночей переночевал, что ли – так он теперь имеет право у тебя гостить хоть до японской пасхи. Вот так. А если ты ему на дверь укажешь, так в тюрьму загреметь можешь. И ещё оттуда будешь платить за коммунальные услуги, которые твой гость у тебя в доме пользоваться будет.

Закон этот древний, но из того, что Оля про него узнала, получалось, что позвать кого-то к себе в гости уже не очень-то и позовёшь. Даже с родственниками бдительность проявлять надо будет. Потому что мало ли какая моча людям в голову ударит, потом бодайся с ними в испанских судах.

В то, что такое возможно, я не мог поверить. Средние века какие-то. Да и в гости приглашать нам не сказать, что очередь построится.

– А если мы уедем, и в дом бродяги влезут? – сказала Оля. – Такие случаи были.

На этом испанский путь для нас закрылся. Аста ла виста, бэби!

Номером три стояла Хорватия. По теплу и морю она может и не Испания, но и не хуже Португалии. По жилью вроде тоже терпимо. Вот только находилось это жильё всё в каких-то провинциях и задворках. А в центре и поблизости от него цены были тот же Лиссабон.

Признать себе, что мы такие бедные, что не можем какую-то Хорватию позволить было непросто. Но мы справились.

– Я читала, что пляжи там – сплошные камни, – сказала Оля.

– И виноград у них тоже зелёный, – добавил я.

Так мы вычеркнули и Хорватию.

Дальше по списку шла Прага. Не морской город, понятно, да и не тёплый совсем, но зато красивый. Красота нам тоже значение имела, и ради неё мы готовы были на жертвы. Посмотрели что там предлагалось, сравнили одно с другим-третьим, даже агентше какой-то позвонили, чтобы она нам вариант подыскала. Агентша попросила пару дней и сказала, что свяжется.

Я после этого разговора на радостях пошёл в книжный магазин и купил там самоучитель чешского языка. По пути обратно слово полезное узнал – «забиячка». Это когда свинью на Рождество режут. Прямо как у нас. Пригодится, думаю, чтобы показать, что мы с чехами вроде как одной крови. Но когда я вернулся домой, Оля сказала, что, оказывается, в Чехии дождливое лето.

– Хорошо, – сказал я. – Не надо будет привыкать к незнакомой погоде.

– А ещё, – добавила она, – чехи не очень чистоплотные.

Я не поверил своим ушам.

– Что за бред?! Ты где это взяла?

– Прочитала в одном блоге. Женщина какая-то. Живёт там.

– У меня из подмышек тоже запах бывает, так что?

– У тебя только после физкультуры, а у них всегда.

Я не знал, что на это возразить. Спорить с Олей ещё про гигиену мне не хотелось. Мы решили, что подождём звонка от агентши, а там посмотрим. Но агентша так и не позвонила. Для очистки совести я написал ей письмо, но и оно осталось без ответа. Так отпала и Прага.

За Чехией мы решили проверить Болгарию. Море там знакомое. Названия Варна, Бургас, Слънчев бряг тоже без перевода понятны. Вино, может, попроще, но зато и цены без выкрутасов. С жильём, надо думать, та же картина. Да и сами болгары – пусть уже не те братья, что раньше были, но кириллица-то в алфавите у них осталась. Поэтому им от нас никуда не деться, чего бы они там себе не выдумывали. Ну и наоборот тоже.

Но София Олю оставила равнодушной. Бывает так, что увидишь город по телеку или на открытке, и он тебе чуть ли не снится начинает. С Софией так не получилось. Вроде и красот немало, но ни одна из них Олю не тронула. Она тогда на побережье переключилась. Думала, что ладно, пусть уже курорт, но может не такой людной, как у нас. И оказалось, да, не такой – хуже. Первая

линия от моря, вторая линия, третья. Всё разлинованное, всё в клеточку. Всё белое, всё прямоугольное. Не берег солнца, а больничный городок какой-то. Тоска.

- Что там у нас дальше? - спросил я.

Дальше была Варшава. В наш список она попала от безысходности.

- Ты же на одну половину поляк, - сказала Оля. - Может давай к ним?

- А это тут причём? - не понял я.

- Вдруг они своим дают скидку...

- На что?

- Не знаю... На вид на жительство.

- А зачем нам их скидка?

Оля промолчала. Я уже видел, что от этих скачек по Европе у неё началось раздражение, и плохо работала голова.

- По климату Польша, как Белоруссия, - сказал я. - И море там Балтийское. Какой смысл?

Смысла не было. Оля это и сама знала. Но ей всё равно надо было найти город своего счастья.

- Может в Одессу поедем? - предложил я.

- Почему в Одессу? - спросила Оля.

- Потому что по второй половине я украинец. И в Одессе мы с тобой были. Там всё более-менее понятно.

Разговор этот происходил у нас в комнате. Оля сидела в кресле за своим рабочим столом, а я на полу за её спиной. Минут за пять до этого я закончил заниматься физкультурой и, сняв кеды, навешивал блины на гантельные грифы, чтобы они были готовы на следующее занятие.

– У нас вино есть? – спросила Оля.

– Венгерское, – ответил я. – То, что мы на речке пили. Я две бутылки сдуру купил.

Оля отъехала креслом назад, встала и направилась к двери. На полдороге она остановилась.

– А в Венгрии у нас что? – спросила она.

Я посмотрел на неё и подождал. Думал, мало ли, может она какой-нибудь ориентир даст, чтобы я понял, про что речь. Но она ничего мне не давала, а только стояла и хлопала ресницами.

– Автобус «икарус», – сказал я тогда и загнул палец. – Горошек «глобус»... Дунай, Дунай, а ну узнай... Рубашки «фекон». Их два цвета было, голубой и оранжевый. Когда я в техникум поступил, мне мама...

– Стоп, – сказала Оля. – А города там какие?

Так в нашем списке появился Будапешт.

Разумеется, Оля про Будапешт знала и раньше. Больше, чем знала. Мы с ней, в общем-то, недалеко от него и бывали – раза три за последние годы, когда по Закарпатью путешествовали. Оттуда на автобусе недолго ехать. Но почему он сразу в список для переезда не попал, Оля объяснить не могла.

Венгры, как народ, нам тоже были знакомы – не родные, правда, а те же закарпатские. С виду там разница небольшая, а глубоко копать нам тогда незачем было – венгры и венгры. Впервые мы их живьём на одном фестивале увидели. Это в Виноградове было. Фестиваль этот назывался какая-то там «лоза» и вроде как на тему виноделия был. Оля про него ещё в Питере выяснила, потому что мы тогда всей этой винной теорией увлекались. А Закарпатье по вину

– место не самое последнее.

Но много от вина мы на фестивале не нашли. Скорее он был похож на ярмарку из позапрошлого века со всякими горшками, снопами, вилами, бочками, прялками и прочим инвентарём того времени. Участники были местные сёла. Приезжали они командами и тащили за собой целый обоз провианта – не для продажи, а чтобы самим прокормиться. У одной из этих команд мы задержались. Там пели какую-то песню под аккордеон. Песня была весёлая по музыке, но непонятная по языку. Я его сначала за русинский принял. Есть в Закарпатье такой – славянская разновидность, но с хитростями, что поди ещё догадайся. Однако, прислушавшись, понял, что нет, не славяне. А потом и слова венгерские на вывеске увидел. Так всё и стало понятно.

В обозе у певцов горело два костра. Над одним висел чан с варевом красного цвета, а над другим, где углей было побольше, крутился на вертеле обёрнутый в фольгу бычок. Оля подошла к певцам, чтобы спросить, или можно посмотреть на бычка поближе, потому что раньше она такого блюда не видела. В ответ они поинтересовались у неё, откуда она такая неподготовленная приехала. Оля сказала откуда, и когда певцы услышали слово «Питер», сразу пригласили её посмотреть и попробовать. Оля показала на меня и сказала, что с ней мальчик. Мальчику тоже разрешили пройти.

Бычок оказался ещё не готов, поэтому нам налили варева из чана, угостили горячими пончиками и в вдогонку поднесли самодельного вина. А Оле ещё и работу по специальности предложили в детском садике. Она сказала, что подумает и пошла танцевать какой-то венгерский танец, который исполняли женщины из обоза и даже одна старушка девяноста с чем-то лет.

Впечатление от той поездки у нас осталось приятное, и мы подумывали приехать на фестиваль снова. Но приехать не получилось. Закарпатского вина в Питере тоже было не найти, мы перешли на итальянское, и как-то незаметно эта страница нашей жизни отправилась в архив. Теперь, однако, она вернулась оттуда с пометкой «торопиться не надо». Похоже, тот архивариус, что отфутболил её обратно имел на нас какие-то свои виды.

Пока я наводил на себя гигиену после физкультуры, Оля успела выяснить всё основное, что нам надо было знать про Венгрию.

- Подходит, - сказала она.

Через две недели после этого мы получили в консульстве туристические визы и ещё через полторы сели в самолёт, чтобы своими глазами увидеть, что это за птица такая, венгерский город Будапешт.

Литературный суп

Человека, который должен был встретить нас в аэропорту, звали Шандор. Через него мы сняли квартиру на те десять дней, что собирались провести в Будапеште. По переписке мы также договорились, что он отвезёт нас туда. С общественным транспортом мы хотя и разобрались, но решили, что для первого раза на машине будет спокойнее. Ну и то, что Шандор был не просто посредник, а имел такой козырь, как «ja gavaгу raguski», это нам тоже было важно. Понимание нового места, оно ведь не только из кирпича и асфальта складывается. И не из мебели и сантехники. Человеческий компонент в нём главнее. Это мы из поездок по Украине знали. Но что в этом плане предлагает Венгрия, нам ещё только предстояло выяснить. И мы с нетерпением ждали, когда это произойдёт.

Ожидание наше, однако, затягивалось. Со времени, на которое мы условились, прошло уже полчаса, а наш связной так и не появился. Как он выглядит, мы не тоже знали. Договор у нас был такой, что мы встречаемся в зале прилёта, и в руках у него будет табличка с каким-то словом, по которому мы узнаем, что это он. Слово это было мудрёным, и я где-то его себе записал, но не помнил, где, и чтобы расшевелить память, я, пока мы ждали, бродил по залу и заглядывал во все таблички, которые попадались мне на глаза. На них в основном было написано «мистер такой-то» или «миссис сякой-то». Про нас с Олей так никто писать бы не стал. И держали эти таблички тоже люди в костюмах. А в ту скидку, что я выдавил из Шандора на подвоз до квартиры, костюм точно входить не мог.

Квартира эта находилась в районе за городским парком. Это не совсем центр, но он нам и не требовался. Важнее было то, что в квартире имелась полноценная кухня. На этом условии настоял я. Для меня готовить еду в новом месте - это тоже компонент понимания. По моей шкале он даже выше, чем люди. Голод

утолить, конечно, и в ресторане можно, но мы по ним не особо ходоки. На дорогие денег жалко, а дешёвые рано или поздно боком выходят. Отсюда моя тяга к готовке и происходит.

Прошла ещё четверть часа, потом ещё. Те костюмы, что были в зале прилёта, когда мы туда вышли, разъехались, и на их место приехали другие. Потом разъехались и они. Шандор появился с третьей партией. Никакой таблички в руках у него не было, но то, что это наш человек, было понятно и так. В шортах, шлёпанцах и рубашке с тёмным пятном на пузе «мистеров» встречать не ездят. И на час тоже не опаздывают. Но начинать знакомство с претензий было бы неправильно.

Я поднял руку.

– Извините, – сказал Шандор, когда мы поздоровались. – Я с Балатона еду. Вишню на даче собирал.

Он показал на рубашку.

– Вишня вкусная? – спросил я.

– Пойдёмте, я дам попробовать.

Вишня оказалась превосходной, и говорил Шандор тоже, не как писал, а очень даже неплохо. При Союзе в Киеве в школу ходил, объяснил он, пока мы ехали. Там родители работали. А сейчас ещё и жена русская.

– Даже если хочу язык забывать, она не даёт.

– Она не из Питера случайно? – спросила Оля.

– Нет, из Карпатия, – сказал Шандор. – Закарпатия, по-вашему.

Похоже, шансы найти понимание в Будапеште у нас были.

Хозяином квартиры был знакомый Шандора по имени Ласло. Он русского не знал, но чтобы принять от нас плату за постой, ему хватило и пальцев. На них же

Ласло показал нам, как что у него работает, и на какие кнопки где нажимать. Вручив нам ключи, Ласло ушёл. Через пару минут за ним последовал и Шандор. Ему надо было к маме. Вишня, оказывается, собиралась для неё.

Мы остались в квартире одни.

Какое-то время мы бродили из угла в угол, сами не зная, что ищем. Вышли на балкон, посмотрели, что там за вид. Он был на заросший кустами пустырь, похожий на спортгородок с полосой препятствий. Потом мы проверили замок на входной двери. Он открывался и закрывался без вопросов. В самих комнатах смотреть было не на что. Спальня типа пенал, в ней шкаф и кровать, да гостиная с диваном и телевизором – вот и всё, что там было. К гостиной без всякой двери примыкал аппендикс, в котором стоял обеденный стол и находилась кухня.

– «Американская», – сказала Оля. – Так они здесь это называют.

Я проверил плиту и духовку. Всё работало. Кастрюль и сковородок тоже хватало.

– Я и на американских борщ варить умею, – сказал я.

– А может не борщ, а баблевеш? – спросила Оля. – Ты обещал его сделать.

Я заглянул в бумажник. На то, из чего делают баблевеш там хватало даже по питерским ценам. А здесь, говорила Оля, они пониже. Рынок тоже где-то поблизости находился. Остальное по ходу дела выясним.

Мы заперли дверь и спустились на улицу.

Этот баблевеш по-русски был фасолевым супом. Венгры его ещё «Йокаи баблевеш» называют, по фамилии своего писателя-классика. Он то ли любил этот суп так сильно, то ли рецепт свой придумал ну и соединился с ним буквально в одной тарелке. Если русскую параллель тут проводить, получилось бы что-то вроде «щи достоевские» или, скажем, «рассольник тургеневский». Но это очень приблизительно, конечно.

Историю про этот суп рассказал нам хозяин одного винного подвала, когда мы ещё по Закарпатья путешествовали. Это в Берегово было. Мы туда приехали из

Мукачево специально к нему на дегустацию. Когда-то он был офицером на Тихоокеанском флоте, но потом уволился, вернулся на родину и занялся вином. Там у него полный цикл был – от лозы до пробки. А подвал свой – здоровенный, выкопанный в какой-то горе – он не только для хранения бочек держал, но и мероприятия по культуре винопития проводил. Вина у него были с такими названиями, которых мы в своём Колпино не слышали. Ну и букеты у них тоже ноты имели из какой-то неизвестной нам музыки.

Дегустация прошла чудесно, и после неё у нас не на шутку разыгрался аппетит. Предложить нам, однако, хозяин подвала ничего не мог. Еду надо было заказывать заранее. Зато он подсказал ресторан, где подают неплохой суп.

– Вот по этой улице прямо идите. И не сворачивайте, а то в границу упрётесь.

Я хотя и проголодался, но готов был и до Мукачево потерпеть. Там у нас и сыр был особенный, и хлеб домашней выпечки, и всякие другие местные деликатесы. Но Оля сказала нет, хочу суп с писателем, и я сдался. И сдаться было ради чего. Густая оранжево-красная, как лава субстанция, сваренная на бульоне из свиной голяшки, начинённая свежей фасолью, зелёным перцем, корнем петрушки и молотой паприкой, сдобренная заправкой на сметане с мелкой макаронной звёздочкой, и поверх неё, как ковчег, плавает убедительного размера кусок духмяной копчёной колбасы. Кто против такого может устоять? Даже если он не ходок по ресторанам и даже если, допустим, умеет что-то готовить? Я не устоял.

После возвращения из той поездки, я пробовал воссоздать баблевеш в питерских условиях. Получилась неплохая пародия. Виноваты в этом были, конечно, другие продукты, другая вода и луна не в той фазе. Но проигрывать на кухне – для меня штука постыдная. Поэтому в глубине своей поварской природы я заимел зуб на этот суп и, когда заходила речь, клялся Оле, что сделаю из него бифштекс при первой же возможности. Теперь эта возможность мне представилась.

Выйдя из подъезда, я попросил Олю подождать минуту. Хотелось рассмотреть, куда нас занесло. Шандор, когда вёз нас сюда, экскурсиями себя не утруждал, да и не обязан был, а иметь на что опереться глазами в новом месте – оно всегда неплохо.

То, на что опирались наши глаза представляло собой улицу шириной с хороший проспект, но не особо длинную. С одной стороны, может в полусотне метров от

нас, она переходила в дорогу поуже, за которой шла зелёная зона, а на другом её конце стояло здание красного кирпича, с виду похожее на фабрику. Это, как сказал Шандор, и был рынок. За рынком виднелась церковь с крышей в форме шпиля и крестом на острие. Крест был католический.

Пока мы глазели по сторонам, колокол в церкви пробил два раза. Вслед за ним в соседнем доме залаяла собака и заурчал какой-то электроинструмент. Кроме этих звуков на улице было тихо. Машин тоже проехало может две-три. Зачем иметь улицу такой ширины, если по ней никто не ездит, было непонятно.

– Вон домик симпатичный, – сказала Оля. – Нам подошёл бы.

Дом, на который она показывала стоял на противоположной стороне от нас и действительно был неплох. Три этажа, жёлтые стены, красная черепица. По площади на небольшой вокзал потянет. И нестарый, судя по всему. Всё остальное, что было рядом, имело по одному этажу и годилось ему в прадедушки.

Ворота дома были открыты, и оттуда доносилось тарахтение мотора на холостых оборотах.

– Не великоват ли для двоих? – учтиво спросил я.

– Нет-нет, – заверила меня Оля. – В самый раз.

Электроинструмент взял октаву повыше и с урчания перешёл на вой. Услышав родной жанр, его подхватила собака.

Оля продолжала разглядывать жёлтый дом.

Я посмотрел на часы. Они показывали за половину пятого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/kruc_miroslav/bubliki-v-gulyashe-ili-povest-o-tom-kak-olya-i-slava-v-budapeshte-dom-pokupali

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)